3 1761 08223207 5

Нр. 23.

Библіотека театральна.

Новыи заручины - - - - и новая свадьба.

Сценичный образецъ.

Написалъ Г. А. Н.

PG
3948
P5746N68
1909
c. 1
ROBARTS

Prof. in Galicia

КОЛОМЫЯ.
Черенками и накладомъ Мих. Бѣлоуса.
1909.

Presented to the

LIBRARIES *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

PAUL MAGOCSI

Новыи заручины и новая свадьба.

Сценичный образецъ.

Написалъ Г. А. Н.

КОЛОМЫЯ.
Черенками и накладомъ Михаила Бѣлоуса.
1909.

Gift from the library of
Dar z biblioteky
PAUL ROBERT MAGOCSI

LIBRARY
JUN 0 1 2009
UNIVERSITY OF TORONTO

Перепечатанье застерегаетъ собѣ издатель.

Вступленіе.*)

(На подвысшеніе выступаютъ двѣ дѣвчины, Анна и Пазя. Обѣ кланяются гостямъ и начинаютъ розговоръ).

ПАЗЯ. Уже неразъ слышала я розговоры то о вѣрѣ, то о обрядѣ, то о народѣ, и выходили они хорошо. Хочу и я съ тобою розбесѣдоватись, но о чѣмсь совсѣмъ новôмъ. Днесь н. пр. будутъ представляти тутъ театръ. Що то есть театръ? Може то такая комедія, яку неразъ видѣли мы на торзѣ или на ярмарку, съ малпами, медведями или кôньми?

АННА. О нѣтъ, що иного торговая или ярмарковая комедія, а що иного театръ. Торговая и ярмарковая комедія то собѣ такъ простая забава, щобы людей на хвилю розсмѣшити и задурити. То що называемъ театромъ може людей тоже забавити, но такъ, щобы при тôмъ люди многому доброму научились.

ПАЗЯ. А чему можно научитись въ театрѣ?

АННА. Всякому. Въ театрѣ можно видѣти и чути красное и доброе, злое и бридкое, но мимо того выходитъ изъ всего наука добрая, бо въ театрѣ выхваляется все доброе и красное, а высмѣвается все злое и бридкое. Изъ всего доброго и красного треба собѣ брати примѣръ, ôтъ всего же злого и бридкого треба ôтучоватись, щобы въ житію людей не повторялось. — А чи знаешь Пазю, що будутъ днесь въ театрѣ представляти?

---

*) Тотъ вступъ произносится передъ представленьемъ лишь тамъ, где еще театрôвъ не представляно, и где вообще о театрѣ люди понятія не маютъ.

ПАЗЯ. Знаю, бо было написано на печатаныхъ великихъ паперахъ при входѣ до читальнѣ, що будутъ представляти якіись новыи заручины и новое весѣлье, но я изъ того не дуже мудра.

АННА. Пожди хвилю; когда присмотришь ся всему представленю, порозумѣешь о що рѣчь идетъ. Я бывала на пробахъ и поняла цѣлое представленье хорошо. Сегодня покажутъ дѣйствующіи на сценѣ лица якъ мерзко есть справляти „оказіи" по піяцки и безъ мѣры долго, а якъ то славно и полезно справляти ихъ по тверезому, по людски и по Божому.

АННА. А чи знаешь якъ называются люди, що театръ граютъ?

ПАЗЯ. Знаю, бо слышала я якъ говорили о тôмъ на пробахъ; они называются акторами или дѣйствующими особами.

АННА. А чи то, що они представляютъ тычится ихъ самыхъ?

ПАЗЯ. Розумѣю уже о що тобѣ ходитъ: Нѣтъ, то що въ театрѣ представляютъ не тычится самыхъ акторôвъ, лишь такихъ иныхъ особъ, за которыхъ акторы въ театрѣ выступаютъ. О тôмъ маютъ всѣ слушателѣ знати и помнити се. На закôнченье нашого розговора запытаю еще тебе, чи знаешь о такôй русскій книжечцѣ, котораби намъ селянамъ точное поученіе о театрѣ подавала?

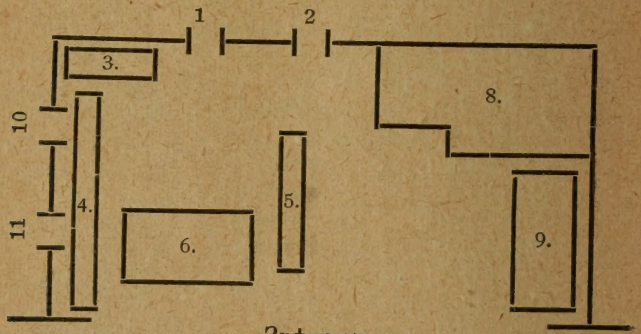
АННА. Такая книжечка есть. На самый передъ печаталось ôтъ нового року 1905 поученіе о театрѣ въ коломыйской газетѣ „Русская Рада", а въ лѣтѣ тогожъ року выйшла книжечка съ надписомъ „Поученіе о театральныхъ представленіяхъ". Кто такую книжечку мати хоче, може собѣ купити ю за 20 гел. въ типографіи Михаила Бѣлоуса въ Коломыѣ. (*Пазя и Анна кланяются и уступаютъ.*)

Дѣйствующими лицами (особами) въ пьесѣ „Новыи заручины и новая сватьба“ суть:

ПАВЛО, отецъ жениха Стефана.
ИВАНЪ, молодый господарь.
НАСТЯ, его жена.
МАРІЯ. сестра Ивана.
ОНОФРІЙ, др. молодый господарь.
ПАРАНЯ. жена его.
СТЕФАНЪ, его братъ.
ДМИТРО, МИХАЙЛО, НИКОЛАЙ, — молодцѣ, члены Читальни.
МАТРОНА, свашка.
ЮСТИНА, сестра Ивана.
ИГНАТІЙ, дякъ, лѣтъ около 40, старости.
КАТЕРИНА, ФРУЗЯ, ПАЗЯ, АННА. — дѣвчата изъ сосѣдства, тоже члены читальни.
ВАСЬКО, сосѣдъ Ивана
ОЛЕНА, сестра Маріи.
ВЛАДИМІРКО, сынъ Ивана, три лѣтъ.
ЕВКА. мати Насти.
БЕРКО. арендарь.

Дѣйствіе первое.

(Сцена представляетъ хорошу, бѣленую селянскую свѣтлицю съ иконами слѣдующого вида:



Зрѣтели.

Въ первомъ актѣ есть въ свѣтлицѣ все по рисунку, въ II же актѣ нѣтъ лавы („7") коло стола; она стоитъ пôдъ стѣною на мѣстци постели „9". 1 = входъ на сцену зъ сѣней 2 = входъ на сцену зъ кухнѣ. 3 = шафа, 4 и 5 лавы, 6 = стôлъ; 10 и 11 бкна; 8 = печь; 9 = постель.

Явленіе первое.

(На пôдвысшенію, на лавѣ за столомъ сидитъ Иванъ и Настя, а на бочной лавцѣ по правôй сторонѣ сидитъ Марія)

НАСТЯ. Уже давно не было такъ красной днины якъ днесь.

ИВАНЪ. Чудна недѣля. Я бы хотѣлъ, щобы такъ все было красно на Великдень, якъ днесь. Але-жь и народа было днесь въ церкви много, якъ на Великдень!

НАСТЯ. Рано было може такъ много людей якъ на великдень, но на звычайной недѣльнôй вечернѣ, видится менѣ, не буде николи такъ много людей, якъ на великоднôй вечернѣ. Великдень мае въ собѣ неслыханно великую притягательную силу на людей. Справедливо спѣваемъ тогды незвычайную пѣснь: „Сей день его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь". Менѣ дуже жаль, що выйшла днесь на мене очередь оставати дома до полудня. Говорила мнѣ Марыська, що сказалъ днесь нашь духовный отецъ незвычайно поучительное слово.

ИВАНЪ. Се правда. Я не пригадую собѣ, щобы намъ кто тамтыми роками выложилъ такъ ясно науку св. Евангелія о долгахъ, якъ днесь нашь священникъ. Въ св. Евангелію сказано, що не ôтступитъ Богъ тому человѣку долга, кто не ôтступитъ долга своему ближнему.

НАСТЯ. О ôтдаваню долгôвъ чуемъ въ церкви науку часто, Якіи долги може мати человѣкъ до человѣка, то порозумѣти нетрудно, но якіи може мати человѣкъ долги до Бога, се простый человѣкъ не пôйме легко.

МАРІЯ. А власне о долгахъ до Бога толковалъ нашь духовный отецъ нынѣ. И якъ выразно и докладно! Всѣ люди порозумѣли днесь науку добре.

ИВАНЪ. Послухай жѣнко! Науку о долгахъ до Бога могу тобѣ коротко повторити. — Богъ, якъ знаешь, то самая праведнôсть, святôсть и самое совершенство. Людей сотворилъ Богъ на земли и призначилъ ихъ до неба, въ тіи дворы, въ которыхъ самъ ôтъ вѣка перебывае и перебывати буде. Но чи

прійдутъ всѣ люди до неба? Нѣтъ; лишь тѣ, котрыхъ осудитъ Богъ праведными, святыми, совершенно чистыми. Одни люди умираютъ уже чистыми, другіи же очищаются въ чистилищи. А понеже могутъ оставати въ ласцѣ у Бога лишь праведнй люди, и понеже по смерти лишь очищенй ôтъ грѣхôвъ и ôтъ каръ до неба прійти могутъ, то выходитъ изъ того тота правда, що затягае каждый человѣкъ долгъ у Бога, кто якій грѣхъ зробитъ, и то всерôвно чи зробитъ кто грѣхъ прямо противъ Бога, чи черезъ кривду для ближняго.

НАСТЯ. Чи маю се такъ розумѣти, що долгъ для ближняго есть долгомъ и для Бога?

МАРІЯ. Такъ и есть, якъ пытаешь ся; акуратно говорилъ о тôмъ священникъ.

ИВАНЪ. Все що зробитъ человѣкъ доброго ближнему, се числится такъ, якъ зробилъ бы человѣкъ добре Богу, а що зробилъ бы человѣкъ злое ближнему, се такъ якъ зробилбы человѣкъ злое Богу. О тôмъ поучае насъ св. Евангеліе въ мясопустную недѣлю, где говоритъ самъ Іисусъ Христосъ: „Що зробилисьте ближнымъ, се сотворилисьте менѣ, а що не сотворилисьте ближнымъ, менѣ не сотворилисьте". Но мусишъ, Насте пôзнати еще и то, що есть житіе людей такъ скривлене и такъ суетливе, що затягаютъ люди до Бога не трохи грѣхôвъ, лишъ цѣлую тьму, тысячѣ.

НАСТЯ. А якъ се быти може? Всѣ люди не убиваютъ, не пôдпаляютъ, не крадутъ коровъ, волôвъ, коней, а хоть допускаются тяжкихъ грѣхôвъ, то чейже не тысячь разъ и чейже не все!

ИВАНЪ. Куда ты загнала! Жаль, що не была ты днесь въ церквѣ. Нашъ священникъ якбы предвидѣлъ твои вопросы и закиды и давалъ на нихъ

отвѣты, поученіе. Такихъ страшныхъ грѣхôвъ, якіи ты надмѣнила, хоть бывае межи людьми еще много, то всетаки не за много и не за часто зъ поводу карности удержованой державными законами и полицейнымъ надзоромъ. Давнѣйше, коли того надзора не было пропадало дуже часто людемъ много коней, много коровъ и волôвъ и всякого инного великого добра. Но есть еще и теперь инныхъ грѣхôвъ множество, котріи майже у кождого человѣка на день по десять и по сто разъ повторяются, а сновъ суть и такіи, що держатся людей по добѣ, тыждню, мѣсяцю, по роцѣ и по много лѣтъ. Почисли всѣ часто повтаряющіи ся грѣхи людей, щоденнѣ, скôлько выйде ихъ на рôкъ и на все житіе, то увидишь чи не выйде зъ того долгъ до Бога на цѣлую тьму?

НАСТЯ Правда, великая правда, ажь страхъ подумати.

ИВАНЪ Вотъ видишь; но послухай дальше. Возмемъ грѣхъ піянства. Іисусъ Христосъ каже, що пяницѣ царства Божого не наслѣдятъ, а мимо того есть люди, що упились въ своимъ житію на всѣхъ крестинахъ, где были; на всѣхъ весѣляхъ, на всѣхъ похоронахъ и поминкахъ; на всѣхъ святыхъ вечерахъ; во всѣхъ торговыхъ дняхъ; на всѣхъ закладинахъ домôвъ, — каждый разъ при привозѣ на зиму гдекому дерева зъ лѣса; при всякихъ примиреніяхъ за процесами; во всѣ недѣлѣ и свята, а даже на ôтпустахъ; во всѣ середы и пятки св. великого поста и при всякой инной „оказіи". И чижь не выходитъ зъ того піянства долгъ до Бога за цѣлую тьму грѣхôвъ?

НАСТЯ. Правда, Иване. О якъ благодарити намъ треба Бога, що маемъ такого учителя, который такъ щиро стараесь о насъ, щобы мы не грѣшили и долгъ до Бога не затягали! Якъ виджу, то славна

была днесь рано наука. Но не менше славна была и тота наука, якъ перековувалъ насъ священникъ, що всѣ нашѝ звычаѣ и моды при всякихъ нашихъ „оказіяхъ“, которыи мы нерозумно „устоновами“ называемо и завзято ихъ держимося, ніякими установами не суть и що вôльно кождому приватно такъ носитись, мешкати, гоститись, крестины и весѣля справляти, якъ кто хоче.

ИВАНЪ. Се была также дуже важна и потребная наука. Днесь понимаемъ уже всѣ, що все то, що придумали лихіи люди, слуги діявола и нашѝ вороги для нашой згубы, чи то до згубы нашой яко людей, чи яко русинôвъ, не есть такою установою, щобы того всего мусѣли мы придерживатись, якбы якого закона Божого, или державного, или народного, лишь такимъ введеніемъ, которого хватается и держится всякій, кто или глупый и темный, или застрашеный, боязливый, зôпсутый, развращеный или невольничій, несчастный. Но пожди, жѣнко! А якъ гостила бысь сватôвъ, якбы прійшли сватати мою сестру Мариську? Чи пôслала бысь по принятому у насъ звычаю по горѣлку?

НАСТЯ. А чи знаю я якбы я тогды зробила!

ИВАНЪ. Если хвалишь науку священника, то чому не послухаешь его?

НАСТЯ. Я не говорю, що не послухаю, но менѣ часъ о тôмъ еще подумати, бо коли не приходилъ никто на звѣды за Марыською, топ заручины еще далеко.

ИВАНЪ. А подивись но тамъ. Менѣ видится, що идутъ тамтіи два человѣки до насъ.

МАРІЯ. Таже по правдѣ, що прямо до насъ.

НАСТЯ. Я пôзнаю; се иде Онофрій и Стефанъ,

два братья. Они идутъ до насъ певне газету читати. Чи „Русское Слово“ еще дома?

ИВАНЪ. Дома, на шафѣ, — подай его на стôлъ.

Явленіе второе.

(Входятъ братья: Онофрій и Стефанъ. Иванъ, Настя и Марія, вставши, витаются съ ними сердечно за руки послѣ звычайного привѣтствія „Слава Іисусу Христу!“ и „Слава во вѣки“. Иванъ проситъ Онофрія и Стефана сѣдати за стôлъ; Онофрій сѣдае, но Стефанъ приближаеся до лавки, на котрой сидѣла Марія, и тутъ сѣвши коло себе начинаютъ обое собѣ где що шепотомъ говорити, Иванъ сѣдае коло Онофрія, Настя же сѣдае на лавѣ напротивъ Маріи).

ОНОФРІЙ. Мы оба, маючи днесь вôльный часъ, хотѣли корыстати зъ пречудной днины и заглянули до васъ, щобы потолковати о важныхъ справахъ.

НАСТЯ. А мы дуже вамъ радй, бо по правдѣ сказавши бажали мы днесь или гостей дôстати или въ гостѣ пôйти. При такой днинѣ якъ днешная ажь хочется жити. *(Марія бере изъ шафы много чиселъ „Недѣли“ и дае Стефанови переглядати).*

ИВАНЪ. Читалисьте уже „Русское Слово“?

ОНОФРІЙ Я былъ въ читальнѣ и прочиталъ цѣлое новое число „Русской Рады“. Я люблю тоту газету дуже, бо она така щира и служитъ Руси вѣрно уже много лѣтъ при всякôмъ лихолѣтію. „Русское Слово“ читалъ завзято провизоръ Михайло и не хотѣлъ менѣ его ôтступити. Чи есть въ нêмъ що цѣкавого?

ИВАНЪ. Цѣлое число такъ интересное, що годѣ одорватися ôтъ него.

ОНОФРІЙ Скажѣтъ що въ нêмъ найцѣкавѣйшое.

НАСТЯ, Що въ новôмъ числѣ „Р. Слова“ найцѣкавѣйшое то не такъ легко сказати, бо, думаю не для всѣхъ будетъ се найцѣкавѣйшое, що дуже цѣкаве для одного. Що иное цѣкаве дуже для Ивана, а що иное менѣ, и не мусить се быти найцѣкавѣйшое для васъ, що было найцѣкавѣйшое для насъ обоихъ. Сіе число, що лежитъ тутъ на столѣ, — его стоитъ прочитати ôтъ начала до кôнця: въ нêмъ одно цѣкавѣйшое ôтъ другого.

ИВАНЪ. Настя говоритъ правду Сіе число „Р. Слова“ интересное що до слова. Коли прочитаете, убѣдитесь сами, що такъ есть. Такою газетою якъ „Русское Слово“ можетъ наша Русь гордитись: она надто дешева, бо дôстае запомогу изъ фонда бл. п. Михаила Качковского, щобы приходилось легче просвѣщеніе въ народѣ ширити; оно богатое своимъ объемомъ и содержаніемъ, а при тôмъ писана такъ зрозумѣло, приступно и правдиво, що всяка справа изъ него вычитана сейчасъ каждому понятою стается.

НАСТЯ. Если бы не „Р. Слово“ не мали бы мы селяне понятія о бывшой русско-японской вôйнѣ и о правдивой жизни тѣхъ двохъ народôвъ, зъ которыхъ русскій уважали мы просвѣщенымъ и могущимъ, японскій-же полудикимъ и незначнымъ.

ОНОФРІЙ А ходъ вôйны доказалъ всѣмъ, що будьто просвѣщену и могущую Россію побили будьто непросвѣщенй и незначнй японцѣ! Изъ русско-японской вôйны пôзналъ цѣлый свѣтъ, що сила державы лежитъ не въ широтѣ и дальности пространьства и въ богатствѣ, лишь въ поступовой внутренной организаціи, основанной на справедливости для всѣхъ клясъ народа.

ИВАНЪ Или по книжному говорячи: для всѣхъ „сословій“ народа. Сегодня настае время, що мусимъ и мы селяне научитись хорошо выражатись и зая-

вити себе просвѣщенными, если хочемъ быти достойными тѣхъ правъ, до которыхъ намъ конституція и рôвноуправненіе дверь отворили. Що до русско-японской вôйны, то долженъ я сказати, що розбудила она у насъ дуже сильно любовь до читанья. Доки не почалась тая вôйна, было у насъ въ селѣ лишь одно читальняное число „Р. Слово", а коли захотѣлось людемъ знати о вôйнѣ що можь якъ найбôльше, то предплатило собѣ „Р. Слово" еще десять господарôвъ, а межи ними и я. Читальняное „Р. Слово" а свое власне, то такъ якъ небо и земля. Передже читивалъ я изъ „Р. Слова" лишь мало що или ничь и не зналъ цѣны ни ему, ни нашимъ народнымъ и краевымъ справамъ, ôтъ коли же читаю „Р. Слово" свое власне ôтъ доски до доски, сталъ я быти совсѣмъ инымъ человѣкомъ.

НАСТЯ. Передже не могла я пôзнати для себе потребы читанья газетъ и книжокъ но читавши уже черезъ пôвтора року „Р. Сл." ôтъ кôнця до кôнця пôзнала я въ читаню невысказано великую силу и пріятнôсть. Мене интересуютъ теперь всѣ справы повѣтовû; мене интересовалъ вельми ходъ нового выборового права и вся борьба о него; я пôзнала якъ лохо стоимо мы русины въ политицѣ, що не хотѣли учитись, трезвитись при выборахъ хорошо и честно держитись, и що подѣлились на партіи. А якъ было пріятно читати собѣ о посвященію нашой величавой церкви при „Народнôмъ Домѣ" во Львовѣ! И якъ любю я дôзнаватись о тôмъ, якіи патріоты и патріотки у насъ чинно выступаютъ, щобы нашу Русь пôддвигати и до процвѣту приводити! Якъ радуюсь я, що далъ намъ Богъ такого мужа, и способного и неустрашимого, и славного бесѣдника и умѣющого себе жертвовати, якъ есть нимъ адвокатъ изъ Коломыѣ, докторъ Дудыкевичъ!

ОНОФРІЙ Того! Вы, Насте вводите мене въ удивленіе. Менѣ и не приснилось бы, щобы русская мужичка такъ пламенно сама изъ себе говорила, якъ вы теперь. Не знаю чи нашла бы ся такая другая якъ вы?

НАСТЯ. Найдеся ихъ на Руси уже много; есть такая и близко коло насъ. . . Кобы чули вы якъ стане говорити о нашихъ дѣлахъ а вотъ сія наша дѣвиця, Марыська! Не меньше любитъ читати газеты и книжки и она якъ мы. Въ каждой вôльной хвилѣ, коли бы другіи дѣвчата где на пустй забавы летѣли, сѣдае она до стола и читае. А вотъ предплатила она собѣ „Недѣлю“ зъ теперѣшного року.

ОНОФРІЙ. Якъ то? Сама за свои гроши?

НАСТЯ. Не чулисьте що по нашôй вечерницѣ на Успеніе Богородицы даровала добродѣйка деканова Марисьцѣ двѣ короны за ôтличное произнесеніе долгого стиха „Русска родино, рôдна краино“? Зъ того дару хотѣла Марыська зробити собѣ памятку на всегда, а доложивши еще одну корону заплатила собѣ „Недѣлю“. Прекрасна газета. Дивѣтъ, якъ Стефанъ ю цѣкаво оглядае про образки.

ОНОФРІЙ. А мôй братъ Стефанъ предплатилъ собѣ самъ за свои защаджены гроши коломыйскую „Русскую Раду“. Я люблю также тоту газету дуже, но она выходитъ для мене за мало часто.

СТЕФАНЪ. Я любилъ собѣ „Русскую Раду“ также еще бôльше, если бы выходила частѣйше, но менѣ подобается она особенно за то, що помѣщаются въ ней и довгіи кусники съ дуже цѣкавыми извѣстіями изъ свѣта. Н. пр. якъ я любовался описомъ всемѣрной выставки въ Парижѣ, повѣстею изъ русско-японской вôйны и описомъ подорожи изъ Галичины до Вѣдня, изъ Вѣдня кораблемъ до Буда-

пешта, а изъ Будапешта на Кошицѣ и Пряшевъ назадъ въ Галичину!

НАСТЯ. Хотѣла и я все то читати, та не доходятъ до мене правильно читальняныи числа „Русской Рады". Я буду такъ смѣла выпозычити собѣ цѣлыи рочники той газеты отъ тебе Стефане. Если дôставала бы редакція „Русской Рады" такъ запомоги, якъ дôстаютъ ю другіи газеты, то безъ сомнѣнія выходила бы и она каждого тыждня. Впрочемъ, если бы любили у насъ русскіи люди просвѣщеніе якъ у другихъ народôвъ, то и безъ особной запомоги выходила бы „Русская Рада" частѣйше, бо мала бы вмѣсто якихъ тамъ 300 до 500 предплатителей пôвтора тысяча до двохъ и до трехъ тысячей, а се былобы найкрасшою запомогою. Но на несчастье у нашихъ людей есть гроши на всякіи глупства, на тютюнъ, на пропой, на музыки и на карты даже, лишь нема на книжки и газеты и въ загалѣ на науку. (*Вставши высувае ящикъ изъ стола, вынимае зъ него обрусокъ которымъ накрывае стôлъ; на обрусъ кладе мисчину яблокъ, грушь и сливокъ, которыи лежали въ ящику*). Прошу васъ, мои гостеньки! Покушайте нашои садовины, чи вкусна. При вкусной садовинѣ будемъ дальше говорити.

ОНОФРІЙ. (*взявши яблоко до рукъ*) Покушаю предвсѣмъ яблока. — Справдѣ ôтличне. Сыпке и солодке.

ИВАНЪ. Стефане! Ану розсмѣлись и ты до нашой садовины! (*Стефанъ бере грушку*). А що? Подобалась тобѣ „Недѣля"?

СТЕФАНЪ. И еще якъ! А знаете чому? Бо не така вымята и спорошена якъ читальняна и вся при купѣ. Я переглядалъ „Недѣлю" часто и читалъ часомъ зъ неи новинки, но николи не подобалась она менѣ такъ якъ днесь, въ порядку удержована.

Явленіе третое.

До попередныхъ входятъ: Катерина, Фрузя и Дмитро, голосячи „Слава І. Хр.“ имъ отвѣчаютъ Сл. во вѣки.

НАСТЯ. А вотъ дае намъ Богъ новй гостеньки. Витайте намъ сосѣды! Сѣдайте собѣ тутъ на лаву. Я выйду на хвилю, бо хочу принести бôльше садовины. Сего року далъ намъ Богъ того дару много. (*Выходитъ и вертае по хвили назадъ съ другою мискою садовины*).

ИВАНЪ. У тебе Дмитре якаясь книжка пôдъ пахою. Що тамъ маешь?

ДМИТРО. Книжечку съ русскими пѣснями. Мы намѣряемъ устроити собѣ у васъ вечеринку. Чи позволите?

Явленіе четвертое.

Попередныи; вбѣгаютъ еще Пазя, Николай, Михайло, и Анна; витаются якъ попередныи.

ИВАНЪ И чомужь бы нѣтъ! Руескіи пѣсеньки слухати готовъ я всю жизнь. Я еще буду вамъ и помагати.

НАСТЯ. Жаль менѣ, що пôйшла по вечерни сестра Марыська, Оленка, съ нашимъ сыномъ до моихъ родителей. Оленка була бы днесь дома весело забавилася.

ОНОФРІЙ. А которои будете насамый передъ спѣвати?

ДМИТРО. Запытаемся Марыськи, бо коли вечеринка въ сей хатѣ, то мае она право выбирати. Скажи Марыська которой заспѣвати?

МАРІЯ. Если маю я выбрати первую пѣснь на нашу вечеринку, то прошу заспѣвати „Дай же Боже добрый часъ“.

ДМИТРО. Добре. Тота пѣснь есть въ кн. Общ. им. М. Качковского на стр. 46. А где твоя книжечка, Марысь?

МАРІЯ. До той пѣсни не треба намъ книжечки. Мы дѣвчата умѣемъ ю на память. Послѣ найду я книжечку. *(Всѣ спѣваютъ пѣсни „Дайже Боже добрый часъ“ першіи три строфы).*

ИВАНЪ. Якъ давна тота пѣснь, а якъ все красна и до сердця припадающая. Но я еще до тебе Насте. Наша садовина смакуе може гостямъ, но я прошу тебе принести еще меду и хлѣба. Сего года дали намъ пчолы велику частку. Перекинувши трохи садовиною спѣвайте дальше начатую пѣснь. (*Молодежь спѣвае начатую пѣснь до кôнця).*

(Во время пѣнія Онофрій и Иванъ нахиляютъ ся до себе и говорятъ що-то съ тиха. Настя вноситъ и кладе на стôлъ тарель съ медомъ, хлѣбъ и нôжъ. Иванъ посувае ся близше до Онофрія и дае знакъ Настѣ, щобы присѣла коло него, щобы и она слышала, що говоритъ Онофрій. По скôнченôй пѣсни встае Онофрій и говоритъ торжественно).

ОНОФРІЙ Честныи и дорогіи мои, Иване и Насте! Я прибылъ днесь до васъ въ гостѣ съ братомъ Стефаномъ. Властиво долженъ былъ прійти къ вамъ со Стефаномъ мôй и его тато, но вмѣсто него прійшолъ я, найстаршій сынъ его, передъ 15 лѣтами на бôкъ ожененый, бо тато нашь, якъ знаете, теперь якось не домагае. Слава Богу, що днесь выпалъ намъ такъ погôдный день. Тутъ въ вашой хатѣ собралась случайно наша честна молодежь и проспѣвала на предложеніе Маріи премилую нашу пѣснь „Дайже Боже добрый часъ“. За время проспѣваня той пѣсни поговорилъ я съ вами, Иване и Насте, о дуже важнôй справѣ. А коли проявили вы моей справѣ прихилнôсть, то осмѣлаюсь пôдъ впечатлѣніемъ

слôвъ „Дайже Боже добрый часъ“ обявити мою справу голосно всѣмъ. Моему брату Стефанови пора женитись. Ôнъ усмотрѣлъ собѣ на свою будущую подругу жизни вашу, Иване, сестру Марію. На его выбôръ согласился нашь тато совсѣмъ и онъ хотѣлбы имѣти Марію за свою сынову, щобы разомъ съ Стефаномъ веселили ему хату и вела съ нимъ пôдчасъ ихъ старости хозяйство. Чи согласны вы на ее?

ИВАНЪ Зъ нашой стороны не ма ничь противъ подруженія ся Стефана и Маріи, думаю однакъ, що треба запытати о слово самыхъ молодыхъ, бо то слово будетъ найважнѣйше. Скажи прото Стефане, чи роздумалъ ты статочно одружитись съ Маріею?

СТЕФАНЪ Такъ есть, якъ говорилъ мôй братъ. Я прійшолъ просити о руку Марыськи.

ИВАНЪ. Твоя рѣчь проста, ясна и щира. Теперь звертаюсь до тебе сестро, Маріе, яко твôй братъ и опекунъ. Чи согласна ты одружитись съ Стефаномъ? Знаю щось дѣвчина скромна и що нелегко тобѣ высказати чувства о своей любви, но всетаки про вагу хвилѣ, котора рѣшае всю твою будущнôсть, скажи, подумавши, чи выйдешь за Стефана?

МАРІЯ. *(Съ тиха)*. Выйду.

ИВАНЪ и ОНОФРІЙ: Славно!

ИВАНЪ. Если такъ, то подайже правую руку Стефанови и сближѣтся обое до насъ тутъ, щобы мы васъ яко зарученыхъ поблагословили. *(Стефанъ, взявши Марію за руку, иде съ нею до стола отобрати благословеніе, Катерина же, Фрузя, Анна, Пазя, Дмитро, Михайло и Николай спѣваютъ хоромъ громко „Многая лѣта“! Заручены похиляютъ головы передъ старшими, а тѣ благословятъ ихъ знакомъ креста повѣдаючи: „Нехай благословитъ васъ Богъ, а мы благословимъ тоже“!)*

НАСТЯ. Вотъ якъ ненадѣянно далъ намъ Богъ радôсть. Вы Онофрію со Стефаномъ теперь уже у насъ не такіи гостѣ, що прійшлисьте побесѣдовати и газету прочитати: вы теперь нашй дорогіи гостѣ-сваты. А коли стались вы молодцѣ и дѣвчата поневольно свѣдками заручинъ Стефана и Маріи, которымъ пожелалисьте сердечнымъ „многая лѣта“!, то теперь и вы нашими правдивыми гостями. Но чимъ же я васъ пріиму? Горѣлки дома не ма, бо честный Онофрій не прислалъ никого на звѣды до насъ про Марыську, то мы не приготовились на заручины. Я лишь чаемъ, хлѣбомъ, солію и набѣломъ возмогу васъ погостити, бо того маю дома добрый запасъ.

ОНОФРІЙ и ВСѢ ГОСТѢ: Славно, славно! Урра!

ОНОФРІЙ *(весело)*. Та я того и бажалъ, щобы зачиналось у насъ въ селѣ такъ робити, якъ училъ насъ священникъ. Я хочу, щобы переломилось всюда тото невôльництво для старосвѣцкихъ установъ. Нехай буде ôтъ теперь для ненадѣянныхъ гостей такъ, ятъ учитъ приповѣдка: „Чимъ хата богата, тымъ и принимае“. Вотъ и славно, що будетъ пити солодкій чай, а не смердюху горѣлку. За то будемъ забавлятись и вертати домôвъ тверезыи, по Божому, а такъ и сплыне на нашихъ молодятъ и на насъ всѣхъ Божое благословеніе (*Настя ôтходитъ готовити вечерю; Иванъ съ Онофріемъ сѣдаютъ говорити собѣ дальше)*.

ДМИТРО. Молодцѣ и дѣвчата! Въ такъ радостной хвилѣ въ сей хатѣ, забавимосъ въ пташка.

ВСЯ МОЛОДЕЖЬ: Такъ, такъ; пташка, пташка!

ДМИТРО. А первымъ пташкомъ будетъ Марыська

МАРІЯ. Прошу извинити мене, бо якъ же могу я быти пташкомъ, если кличе мене обовязокъ ити помагати братовой готовити чай.

ДМИТРО. Насъ есть тутъ девятъ съ тобою, акуратно добре число до пташка. Лишь зачни намъ пташка, а потôмъ пôйдешь. Може верне за тотъ часъ на наше счастье твоя сестра Олена. Прошу всѣхъ ставати въ кружокъ и взяти Марыську въ середину. *(Всѣ дѣлаютъ такъ, якъ командуе проводиръ).* Заспѣваймо на первый разъ звычайну пѣснь до пташка не таку, якъ напечатана въ книзѣ, лишь таку, якъ научилъ насъ предсѣдатель нашой читальни. *(Всѣ обертаются то въ право, то въ лѣво и спѣваютъ).*

1) Мы голубко уловили, всѣ въ около обступили,
Ой голубко, чого тужишь, выбирайси кого любишь!
2) Ой Я тужу и думаю, Руси доли я бажаю,
Того буду выбирати, кто за Русь радъ житье дати.
3) При роботѣ дома, въ полю, все помнѣмъ на Руси долю
И въ забавѣ не пустуймо, добру мысль для Руси [снуймо.
4) Силы Русы розôрванй, а ворожй суть собранй,
Треба намъ ся единити, щобъ врага разъ побѣдити.
5) Ой полечу въ лѣсы, поля, шукаючи Руди доли,
Якъ ю знайду, тогда верну, всѣхъ до Руси знову [приверну.

(Въ половинѣ пѣсни входитъ Олена съ Владимірко мъ; Олена стае собѣ съ боку. Владимірко бѣжитъ до Ивана, который бере его на колѣна. По скôнченôй пѣсни выбирае Марія Стефана, прочіи лапаются; остаесь безъ пары Катерина; Дмитро бере ôтъ неи заставъ и кладе передъ Онофрія и Ивана на стôлъ).

ДМИТРО. А! прійшла на наше счастье Оленка; теперь ты Марысь вôльна; можешь пôйти помагати братовой. (*Марія ôтходитъ*) Прошу всѣхъ ставати въ кружокъ и взяти Катерину въ середину. Прошу тебе Оленко до нашого пташка. — А що будемъ теперь спѣвати?

МИХАЙЛО. Предлагаю заспѣвати прекрасную пѣснь „На полю, на полю, пшеничка розцвилась“.

ДМИТРО. Добре; спѣваймо. (*Спѣваютъ надмѣненую пѣснь*)

„На полю, на полю, пшеничка розцвилась,
Проситъ мати свою доню, щобы не журилась.
Пшеничка погнулась,
Якъ тихій Дунай,
Доня усьмѣхнулась,
Будетъ коровай.

(*Катерина выбирае Фрузю, всѣ лапаются, остае Николай; Дмитро бере ôтъ Николая заставъ и несе тойже на стôлъ.*)

ДМИТРО. Прошу живо ставати въ кружокъ и взяти Николая въ середину. Николаю! Що предлагаешь заспѣвати?

НІКОЛАЙ. Прекрасную пѣснь „Надъ Прутомъ у лузѣ“.

ВСЪ: Такъ, такъ, — добре, добре.

(*Спѣваютъ надмѣненую пѣснь ходячи то въ право, то въ лѣво.*)

1) Надъ Прутомъ у лузѣ хатчина стоитъ,
Живетъ тамъ дѣвчина хороша якъ цвѣтъ,
Въ ней очи зôрницѣ, що свѣтятъ въ ночи,
Якъ бачишь ю хлопче, минайся и мри.

2) Надъ Прутомъ у лузѣ, не мѣсяць зôйшолъ,
То хлопецъ до красной дѣвчины прійшолъ,
Солодка розмова изъ устъ ихъ пливе,
Тихесенько дрѣмучи Прутъ дальше тече.

3) Надъ Прутомъ у лузѣ барвѣнокъ вже рвутъ,
До слюбу зеленй вѣночки плетутъ;
Въ хатчинѣ заграли и скрипки и басъ,
А гôстѣ спѣваютъ, веселôсь у насъ.

(Николай выбирае Олену, всѣ хапаются, остае безъ пары Фрузя; Дмитро, отобравши ôтъ ней заставъ и положивши его на стôлъ, голоситъ): Думаю, що будетъ намъ на днесь заставôвъ досыть. Прошу заняти мѣстця на лавкахъ, — будемъ заставы судити.

(Молодцѣ сѣдаютъ на лавцѣ по лѣвôй сторонѣ, дѣвчата по правôй сторонѣ.)

ДМИТРО. Просимъ васъ, Иване помогчи намъ судити заставы.

ИВАНЪ. Що маесь робити за тотъ заставъ, що держу его въ руцѣ? Розсудѣтъ, прошу, вы Онофрію!

ОНОФРІЙ. Най задеклямуе где що красного.

ИВАНЪ. Добре. Чій заставъ?

ДМИТРО. Николая.

НИКОЛАЙ (*вставши*). Новои деклямаціи я не научился, а тіи которыи я умѣю, слишали вы уже неразъ въ читальнѣ и на инныхъ вечерницяхъ. Если позволите то я прочитаю въ голосъ изъ моей записьой книжечки преинтересну новинку, которую я выписалъ собѣ днесь изъ газеты у отца духовного. Чи соглашаетесь на се?

ВСѢ: Соглашаемся.

НИКОЛАИ. По выказамъ податковыхъ книгъ въ Америцѣ, въ Соединеныхъ Штатахъ, не соромятся и не боятся женщины ніякого честного занятія. По указанію приповѣдки „Честный трудъ не ганьбитъ никого“ занимаются въ Америцѣ съ великимъ хôсномъ для себе всѣмъ, чимъ занятись кто може, не лишь мужчины, но уже и женщины. И такъ было тамъ 1905. года: 193 женщинъ - ковалôвъ, 190 фіякерниць, 8 машинистокъ при паровыхъ кôтлахъ въ фабрикахъ, 126 бляхарокъ, 409 електротехничокъ, 1011 будовничокъ, 166 каменярокъ, 545 теслярокъ, 1795 комнатныхъ малярокъ, 1668 желѣзничихъ робôтниць, 48 робôтниць трамваевыхъ, 571 машинѣстокъ, пять

тысячъ голярокъ, осемъ тысячъ лѣкарокъ, 10 тысячъ адвокатокъ и еще бôльше женщинъ во всякихъ другихъ заводахъ.

ОНОФРІЙ. А се во истину интересна и дивна новинка! Найбôльше удивляюсь що осмѣлились быти женщины ковалями и каменярками.

ДМИТРО А менѣ сновъ дивно, що могутъ быти женщины, особы звычайно мягкого сердця и плаксивой натуры лѣкарками.

ИВАНЪ Кто хоче быти людемъ помôчнымъ въ ихъ горю и болѣзни стаеся черезъ сильную волю, науку и практику изъ мягкосердного и плаксивого человѣкомъ частію милосерднымъ и великосерднымъ. А если оказались женщины многократно милосердными и великосердными яко сидѣлки при хорыхъ, будучи меньше образованными, то чому не могутъ они быти милосердными и великосердными яко лѣкарки съ высокимъ образованіемъ? То що я теперь сказалъ о тôмъ оповѣдалъ намъ разъ священникъ въ читальнѣ, коли ктось при читанью газеты о русскояпонскôй вôйнѣ удивлялся, що есть въ Россіи уже досыть много лѣкарокъ и що много женщинъ русскихъ пôшло на вôйну служити въ больницяхъ коло раненыхъ. Просвѣщеніе и образованье робитъ всѣхъ людей людьми, т. е. полезными существами, якъ мужчинъ такъ и женщинъ. Но я хочу запытати тебе Николаю, зъôтки у тебе такъ хорошій записникъ взялся?

НИКОЛАЙ. Недавно, якъ пригадаете собѣ, радилъ священникъ въ читальнѣ всѣмъ купити собѣ книжечку до вписованя цѣкавыхъ, поучительныхъ и важныхъ извѣстій и данныхъ изъ книжокъ и газетъ, то вотъ спровадилъ нашъ крамаръ такихъ записникôвъ около тридцять. Одна книжочка стоитъ лишь 10 кр. Извѣстіе изъ Америки о занятіяхъ жен-

щинъ вложилъ я собѣ яко первую записку въ сію книжечку, бо тое извѣстіе есть поучительне у насъ и для русскихъ мужчинъ, которыи часто то тымъ, то симъ честнымъ заниматись, то боятся, то стыдаются, сдаючи черезъ то всякіи доходныи занятія чужинцямъ на свою шкоду и бѣду.

ОНОФРІЙ и ИВАНЪ. Правда, великая правда.

ИВАНЪ Я куплю собѣ сейчасъ завтра такій записникъ и буду собѣ многое прочитанное записовати.

ДМИТРО. И я тоже.

АННА. Я купила собѣ такій записникъ вчера, бывши въ крамницѣ.

ВСѢ. Славно!

ИВАНЪ Вотъ берутся женьщины до свѣта и у насъ. (*Входитъ Марія съ великимъ обрусомъ; Оленка пряче изъ стола мыски, тарелѣ, хлѣбъ и малый обрусокъ; Марія простирае великій обрусъ*). А що? Може уже готова вечера?

МАРІЯ. То що можна было на скорости приготовити, то уже готово.

ОНОФРІЙ А то славныи хозяйки!

ДМИТРО. То за скоро; мы еще не скôнчили судити нашѝ заставы. Ану приспѣшѣмъ наше дѣло! Просимъ васъ Иване взяти еще одинъ заставъ.

ИВАНЪ. Всего есть еще лишь два заставы. За оба заставы заспѣвайте еще якую новѣйшую красну и патріотичную пѣснь.

ДМИТРО. Добре. Заспѣваймо найлучше новую пѣснь на извѣстную нуту „Никто невиненъ сама я“.

(*Молодежь спѣвае слѣдующую пѣснь*):

1) Никто невиненъ сама Русь, сама Русь, сама Русь,
Що каже врагъ все: не боюсь, не боюсь, не боюсь!

2) Давно на Руси свôй былъ князь, свôй былъ князь [свôй былъ князь,
Чтилъ го бояръ свôй и свôй пажь, и свôй пажь, [и свôй пажь.

3) Воли на Руси цвила пѣснь, цвила пѣснь, цвила пѣснь
Но Русь покрыла рабства плѣснь, рабства плѣснь, [рабства плѣснь.

4) Ты Русь богата была все, была все, была все,
Теперь бѣда тобовъ трясе, трясе тя, ой трясе.

5) И Русь прекрасный былъ народъ, народъ былъ, [былъ народъ,
Доколь не знала ще незгодъ, незгодъ то, ой незгодъ.

6) „Ты Русь святая", реклъ пророкъ, реклъ пророкъ, [реклъ пророкъ;
Якъ горѣлчаный спалъ порокъ, спалъ порокъ, спалъ [порокъ.

7) Ей опомнись ты, Русь моя, Русь моя, Русь моя,
Доля воскресне ще твоя, твоя ще, ще твоя.

8) Дѣвы о Руси нав поютъ, най поютъ, най поютъ,
Хлопцѣ защиту най даютъ, най даютъ, най даютъ.

(*Во время той пѣсни приноситъ Марія и Олена на стôлъ: хлѣбъ масло, сыръ, мѣдъ, садовину, сôль и ножѣ, а при кôнци пѣсни вноситъ Настя на великомъ бляшаномъ подносѣ 12 шклянокъ чаю, Марія же еще тарельку съ цукромъ*)

НАСТЯ Якъ то добре, якъ живутъ люди съ людьми по людски; якъ хотятъ и могутъ люди людемъ въ потребѣ помôчь дати. А вотъ посылала я наймита до школы просити жену учителя, щобы менѣ пожичала великій подносъ, на котрôмъ помѣстились всѣ шклянки. Вотъ слава Богу готова вечера, о яку я на скорости могла постаратись. Прошу васъ, до-

рогіи мои гостоньки до стола! Проси и ты Иване! За горѣлку выбачайте; у насъ еи нема.

ВСѢ. Славно!

ОНОФРІИ Благослови Боже вечерю безъ водки!

(Гостѣ сближаются до стола. Завѣса спадае).

Конецъ I. дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

(*Хата Ивана. Понедѣльникъ; шестый часъ утра; хата пристроена зелеными, яловыми или дубовыми вѣнцями; столъ накрытъ бѣленькою скатертью; въ трехъ мѣстцяхъ стола лежитъ по два пшеничныи хлѣбы. Иванъ и дьякъ Игнатій сидятъ на лавѣ близко стола; пониже сидятъ на лавѣ: Михайло со скрипкою, Николай съ басомъ*).

ИГНАТІЙ. Радъ бы я чути що говорятъ въ селѣ о нашôмъ весѣлю. Певне, що есть у насъ уже такъ розумныи люди, которыи насъ за переломъ старовѣцкой весѣльной моды хвалятъ, но есмь увѣренъ, що бôльше есть такихъ, що насъ за то гонятъ.

ИВАНЪ. И я думаю якъ вы, но най собѣ говорятъ лихіи люди що хотятъ, мы не боимся однакъ ничого, ибо знаемъ, що не то есть зломъ, за що лихіи люди злятся, лишь то есть зломъ, якъ лихіи люди злымъ дѣламъ предаются и добрымъ людемъ въ печѣнки въѣдятся. Я бы зновь радъ знати, якъ спалось той ночи всѣмъ въ хатѣ молодця, где по давной модѣ въ вечеръ мали коровай печи а послѣ всю нôчь танцовати. Изъ боязни, щобы сваволныи хлопчиска намъ тутъ ôкна неповытолкали, спалъ я мало-що сей ночи, то мусѣлъ, думаю, мало спати и нашь сватъ Павло. Вчера было менѣ и Настѣ дуже неловко про то, що рѣшились мы сдѣлати переломъ въ справляню весѣля, но сегодня дуже менѣ благо на душѣ, що я поганьству спротивился А велика будетъ менѣ радость еще тогда, якъ збѣгнеся наша читальняная молодежь на тоту хвилю, якъ будутъ выбиратись отъ насъ молодята до вѣнчанія, що-

бы вмѣсто ладканя заспѣвали намъ якіи прекрасныи наши новй русскіи пѣсни. Таже мы не погане, щобысьмо спѣвали якойсь богинѣ Ладѣ.

Явленіе второе.

(Попередныи; Входятъ: свашка Матрона, молода Марія, дружка Анна и Настя, хозяйка, всѣ одѣтыи въ свадебное платье по мѣстцевому звычаю, лишь молода и дружка маютъ на головахъ вмѣсто якихъ тамъ вѣнцей, по розпущенôмъ волосью, ôтъ чола въ около головы перевязаныи червеныи или синіи или желтосиныи ленти съ долгими кôнцями спадающими на плеча. Съ хвилею вступленія женщинъ въ свѣтлицю граютъ музыченки якуюсь свою весѣльную, веселую арію).

ИГНАТІЙ (*вставши дае знакъ по минутѣ, щобы музыченьки перестали*). Добре що привиталисьте молоду съ еи свитою, но головна ваша задача уважати якъ будугъ сближатись до насъ гостѣ съ молодымъ. Сейчасъ выйдете на дворъ и привитаете ихъ веселою нутою. А якъ же тобѣ молода, и твоей дружцѣ, що не ходилисьте по селѣ въ вѣнцяхъ кланятися и просити на свадьбу?

АННА. Мы благодаримъ Бога, що минули насъ тота мука и тотъ встыдъ. Неразъ входили молодцѣ до хаты и застали лишь саміи дѣты, и треба было имъ кланятись и на весѣлье ихъ просити, бо такая была установа. Но еще ничь; далеко было молодцямъ прикрѣйше застати въ хатѣ самого якого молодця или двохъ, трехъ то тогда — розступися земле — паленѣли мы ôть сорома, а мусѣли кланятись и просити на весѣлье, бо установа, а заки мы ôтъ поклона пôднялись уже обскочили насъ молодцѣ и нуже...

ИВАНЪ. Цѣлуй, та цѣлуй! Такъ, такъ правду говоришь; похожденія молодиць и молодцôвъ были дуже не на своимъ мѣстци. На вѣки повинна идти слава теперѣшного отца духовного въ селѣ ôтъ рода въ родъ, що прихожанъ просвѣтилъ и що мучительныи поганскіи звычаи скасовалъ.

НАСТЯ. Коли ходила я съ дружкою по селѣ просити на весѣлье, то найтяжше приходило менѣ вступити въ хату, ану угадайте въ чію?

ИВАНЪ. Може въ мою?

НАСТЯ. А таки такъ. Хоть любила я тебе, а мимо того дѣвочій стыдъ противился накиданію ся тебѣ, а мусѣла я вôйти про якуюсь дикую установу. Радуюсь съ тобою, Марысь, що ты того стыда зазнати не мусѣла.

МАРІЯ. Я сама радуюсь, що минули мене тотѝ прикрыи ходы по селѣ и горджусь, що началася нова, прилична, правдиво христіянская мода весѣлья ôтъ мене.

ИВАНЪ Гостѣ, гостѣ! Музыка на двôръ! Князь и бояре приходятъ съ свитою. (*Музыка граючи выходитъ, а за нею выходятъ: Игнатій и Иванъ. Настя, Матрона, Марія и Анна стоятъ рядомъ съ боку*).

Явленіе третое.

(*Настя, Матрона, Марія и Анна*).

МАТРОНА. Бывала я неразъ уже за свашку, но такъ бодрою, крѣпкою и веселою, якъ днесь не была я еще николи. А чому? Передже бывало, будучи свашкою, не спала я всю нôчь, суетилась мною коло печи и коло гостей, и попивала притôмъ — правду треба сказати, — горѣлки часто по порціи, бо видѣлось мнѣ, що я мушу випити, то вотъ и была моя голова тяжка, и вся была я оловяна. А якъ

благо менѣ днесь! Я спала сномъ блаженныхъ, а будучи тверезою и вполнѣ свѣдомою себе, чувствую, що достойна я быти свашкою, щобы повести Марію до вѣнчанія. Господи! И чому не завели собѣ громадяне-христіане уже давно такіи тверезыи, мудрыи весѣля?...

Явленіе четвертое.

(*Настя, Матрона, Марія, Анна; входятъ: Павло, Параня, Васько, Онофрій, Стефанъ, Дмитро яко дружба, Катерина яко своячка, за ними музыканты и Олена; входитъ вще Юстина и Евка*).

ОНОФРІЙ. Слава Іисусу Христу!

ВСѢ. Слава во вѣки!

ОНОФРІЙ. Поздоровляю васъ честны хозяи и тебе княгине съ твоею дружкою, свашкою и твоимъ старостою: ôтъ молодого, ôтъ себе, ôтъ нашихъ родителей и всей родины. Мы всѣ кланяемся вамъ (*кланяются, домашніи всѣ ôткланюются*) и просимъ васъ приняти насъ съ заявленіемъ, що мы вставши рано много торопились и явились тутъ взяти вашу княгиню Марію, щобы повести ю съ нашимъ княземъ Стефаномъ до церкви, до вѣнчанія, до счастливого ихъ законного сожитія. А се пріймѣтъ ласкаво яко даръ ôтъ князя для княгинѣ. (*Взявши ôтъ дружбы въ обрусѣ навязанѣ дары подае молодой*).

ИВАНЪ. Мы всѣ витаемъ васъ всѣхъ, дорогихъ нашихъ гостей щиросердечно и заявляемъ вамъ, що готова избранная вами княгиня съ вашимъ княземъ идти до церкви, но доки то ся стане, просимъ васъ сѣсти на хвилю въ нашôй хатѣ, щобы счастье осѣдалось. (*Павло, Параня и Онофрій сѣдаютъ близко стола. Иванъ коло нихъ*).

НАСТЯ. Натще маютъ идти до церкви лишь

молодята, но всѣ вы прочія нашіи дорогіи гостѣ не можете выйти зъ нашой русской хаты безъ скромной гостины. Прошу васъ, мои дорогіи, сѣдайте всѣ до стола. У мене для васъ снѣданье совсѣмъ готовое, а вотъ подае его Оленка. *(Олена вноситъ великій подносъ съ 9. тклянками, наполнеными чаемъ)*. Прошу еще разъ до стола, корыстаймо зъ вôльнои хвилѣ, коли еще не мусимъ до церкви выбиратись зъ дому. *(Всѣ сѣдаютъ за стôлъ кромѣ молодятъ, которыи, сѣвши собѣ на лаву пôдъ ôкно, гдещо собѣ оповѣдаютъ)*. А тутъ мои дорогіи гостѣ, фляшка съ червенымъ виномъ; прошу вляти собѣ того вина до чаю, кто любитъ и скôлько любитъ, и вотъ вноситъ Оленка повиляного пляцка накраяного. Прошу брати безъ церемонно и закусовати до чаю. Если минется того пляцка много, будетъ менѣ отъ васъ найлучша похвала, що спекла я пляцокъ добрый и вкусный. *(Всѣ берутъ пляцка по куснику по очереды, но не ѣдятъ)*.

ПАВЛО *(вставши)*. Четвертое весѣлье справляю я, но такъ легко на душѣ, якъ есть менѣ днесь, не было менѣ попередъ. Натрудился я было до начала весѣля, до вечера передъ вѣнчаніемъ що немѣра, а тутъ велѣла якаясь глупа установа всю нôчь передъ вѣнчаніемъ не спати и на збытки людей старатися. А коли у интелигенціи все родичи на вѣнчанію своихъ дѣтей въ церкви бываютъ, то мы родители мужицкого сословія не моглисьмо до теперь николи бывати при вѣнчанію нашихъ дѣтей про якійсь то діявольскіи установы. Первый разъ буду днесь при вѣнчанію моей дитины, а якій бодрый и здоровый, а чому? Бо выспаный и тверезый. А я думалъ собѣ, що установа, не дасть ся скасовати! Я думалъ собѣ, що и гостямъ, ведущимъ молодятъ до вѣнчанія, мусится дати водки. А вотъ подае намъ хозяйка вмѣсто

водки солодкого чаю съ виномъ. Свять, свять, свять! О якъ же се мило и добре. Красно и щиро погостимся мы и пôйдемъ тверезѣсенькй, съ розумомъ до Божого дому. Се великій поступъ. Дай Богъ здравіе нашому Отцу духовному за его убѣдительныи науки! А теперь кушаймо. Во имя Отца и Сына и св. Духа Аминь. Господи благослови! *(Всѣ 5 старшихъ гостей и Иванъ забираются пити чай съ виномъ и кушати повиляники).*

ИГНАТІЙ. Скоро минется нашь чай, принесе Олена чай для васъ молодыхъ гостей, а поки що кушайте повиляники.

ДМИТРО. Нѣтъ; намъ будутъ вкуснѣйшіи повиляники при чаю, а доки чай прійдетъ, мы заспѣваемъ нову. въ читальнѣ выученую пѣснь.

ИГНАТІЙ. А ми послухаемъ радо. *(Дмитро, Анна, Михайло, Николай, Фрузя, Катерина и Олена спѣваютъ — по напѣву пѣсни „И шумитъ“.)*

1) Вже пора и доба розумъ братя поять,
Щобъ бѣду вже не клепати, и на ноги добре стать.
2) Врагъ поилъ насъ всегда, щобъ намъ розумъ пропалъ
Онъ изъ пяныхъ гроши взявши, ще ихъ добре трепалъ.
3) Кто пяницевъ живетъ поштуркайломъ всѣхъ есть,
Все науки ся страхае и пропала въ него честь.
4) Кто пяницевъ живетъ любитъ факторъ его,
Бо всегда го перекупитъ, якъ захочется чего.
5) Христіане ты мôй, подумайже собѣ,
Не богатство, не гоноры, найдутъ доленьку тобѣ.
6) Счастье, радость, гараздъ, найде всякъ человѣкъ,
Якъ пребуде чистъ, невинный и тверезый цѣлый вѣкъ
7) За піянство страшне упадаютъ паны,
Высшй чины, офицеры, министерскіи сыны.
8) Щожь съ тобою мужикъ и зарôбнику нашь,
Якъ доробокъ свôй кровавый за горѣлоньку продашь?

9) Христіане мои, опомнѣтся сейчасъ,
И покиньте всѣ піянство, майте розумъ уже разъ.
10) И селяне мои, ремесленники драгі,
Отрезвившись зложите вы грошей значныи стоги.
11) Вы духовні отцы, вы чиновники-паны!
Чистой жизни примѣръ дайте тверезѣтся всѣ станы.

(Оленка наливае въ порожныи шклянки готового чаю изъ самовара).

12) Всѣ пяницѣ страшні въ небеса не прійдутъ,
Такъ навчае нашъ Спаситель лишь тверезимъ [рай дадутъ.
13) Ой пора всю погань вже покинути сейчасъ,
Най гараздъ настане общій, и святый на Руси часъ.
(Молодежь пье чай и закусуе).

ПАВЛО. Прекрасная пѣснь и вельми поучительная.

ИВАНЪ. Жаль, що не стали ю спѣвати у насъ повсюду еще ôтъ знесенія панщины. Скôлько то людей было бы ôтъ той пѣсни засоромилось и исправилось!

ОНОФРІЙ. Я неразъ чудовался чому спѣваютъ всюда, не лишь у насъ мужикôвъ, но и у интелигенціи такую не хорошую пѣснь, якою есть що до слôвъ пѣснь „И шумитъ и гудитъ". Перва строфа еще ни добра ни зла, другая и третая уже не хороша, а четверта и пятая таки совсѣмъ неприличная и соблазняющая. *(Наводитъ говорячи, слова пѣсни).* „На бôкъ хлопцѣ, на бокъ бо чортъ мужа несе: Якъ увидитъ мене съ вами, то нимъ тряска потрясе. „Ой, та най нимъ трясе, якъ вѣтеръ лозами,
А я собѣ молодая, погуляю все съ вами.. — Тьфу! съ такою пѣснею. Треба закинути ю на всегда, а спѣвати тамтую новую. *(Видячи що выпила молодежь чай, встае староста, свертаесь до дружки и до жениховъ и говоритъ):* Дружечко наша! Чи приготовила

ты вязаночки цвѣтôвъ, щобы ôтличити ними весѣлья ныхъ гостей?

АННА Я съ молодою приготовила вязаночки, а вось они.

ИГНАТІЙ. Припинай же всѣмъ тѣ ôтличія. Дружба най тобѣ поможе. Женатымъ на правôмъ боцѣ, неженатымъ на лѣвомъ боцѣ. Молодой и молодому припинай китицѣ саміи найкрасшія. (*Дружка съ дружбою исполняютъ препорученье, молодежь прочая спѣвае*):

„Надъ прутомъ у лузѣ
Барвѣнокъ вже рвутъ,
До слюбу зеленй вѣночки плетутъ,
Въ хатчинѣ заграли,
И скрипки и басъ,
А гостѣ спѣваютъ,
Веселôсть у насъ“...

ИГНАТІЙ Честныи молодята, Маріе и Стефане! Настала для васъ велика и важна хвиля. Вы маете выйти зъ круга молодежи и вступити въ ряды людей старшихъ, вѣнчанныхъ. Днесь насталъ для васъ найкрасшій день въ вашôмъ житію, день сватьбы вашой: вѣнчаныи вѣнцѣ окрасятъ главы вашіи. Тымъ що васъ воспитали, що учили васъ всему доброму, до житія вамъ потребного и що бажаютъ васъ видѣти злучеными до счастливого сожитія, належится вамъ припасти до колѣнъ и попросити ихъ о благословеніе. Прошу васъ сдѣлайте то. Правда що нѣтъ у тебе Маріе родителей, но на ихъ мѣстце нехай благословятъ тебе твои найлучшіи опекуны. (*Марія и Стефанъ припадаютъ Павлови до колѣнъ; онъ обнимое ихъ и благословитъ тихцемъ; послѣ кланяются молодята Иванови, Настѣ, Паранѣ, Онофрію; они благословятъ ихъ, а во время сего трогатель-*

ного акта спѣваетъ присутствующая молодежь въ супроводѣ скрипокъ басетли и втора дьяка Игнатія пѣснь):

Где згода въ родинѣ,
Где миръ и тишина,
Счастливіи тамъ люди,
Блаженна сторона,
И Богъ благословляе,
Добро имъ посылае,
И съ ними вѣкъ живетъ (2).

ИГНАТІЙ. Но теперь пора собиратись намъ до церкви. Чимъ скорше тамъ прійдемъ, тѣмъ красше и лучше для насъ всѣхъ. Красше будетъ для насъ изъ взгляду на священника, щобы на насъ долго съ Службою Божою не ждалъ: лучше будетъ для молодятъ, щобы раньше сповѣдались и найсв. Тайнамъ Тѣла и Крови Господней причастились и выгôднѣйше будетъ для насъ всѣхъ раньше домой вернути и такъ гостины и забавы привести щобы могли мы молодята на мѣстце призначенія доставити и свадьбу скоро скôнчити. Проту всѣхъ гостей приготовитись до выхода. Дружба нехай посмотритъ чи готовî возы ѣхати намъ всѣмъ до церкви; музыканты выпровадятъ насъ до ворôтъ и будутъ за нами пригривати, доки будутъ насъ видѣти, но за нами не пôйдутъ. Коли не шалѣли мы черезъ нôчъ передъ вѣнчаніемъ, не будемъ шалѣти и шумѣти ѣдучи до Божого дому. Що ѣдемъ всѣ съ весѣльемъ веселыи, хоть не пяныи и пяныхъ не удающіи, то посвѣдчатъ всѣмъ людемъ нашî весѣльныи окрасы на насъ, на нашихъ возахъ и на нашихъ замаеныхъ коняхъ даже. Вѣнчаніе се Божье дѣло; треба идти до вѣнчанія съ Богомъ, а кто съ Богомъ, то будетъ Богъ съ нимъ. По дорозѣ спѣвати и кричати не будемъ.

Зъ батогôвъ позволяю погоничамъ коней стрѣляти скôлько имъ ся хоче. А еще запитаюсь дружки, чи мае на поготовю обручки? — Ну, коли суть, то добре. И посмотрю еще якій колачъ несе дружба въ хустинѣ для отца духовного. — Ну добре, красный, хоть звычайный хлѣбецъ. Справимъ духовному отцу двойную радость: разъ, що жертвуемъ ему честный хлѣбецъ, а во вторыхъ, бо увидитъ, що многополезныи науки его принимаются. Вы же честная хозяйко, Насте, чи приготовилисьте хлѣбъ на парастасъ? — Есть, ну то уже все въ порядку. И не забудьте дати трохи хлѣба для молодятъ, щобы по Сл. Б. перекусили. Музыченьки заграйте намъ къ весѣльному походу. Съ Богомъ впередъ! *(Всѣ выходятъ, музыки граютъ марша. Въ хатѣ остае лишь Настя съ матерію Евкою, по хвили вертаютъ музыканты)*

Явленіе пятое.

НАСТЯ. Боже! Вотъ якъ пôйшло всьо красно и гладко, а се потому, що дôбрались до весѣльного дѣла самй поступовыи люди. Былъ тутъ одинъ противникъ новой, нами начатой моды, нашь сосѣдъ Васько, но онъ станеся нашимъ приверженцемъ, коли былъ ласкавъ къ намъ прійти. Я дуже рада, що слышалъ онъ рѣчь Павла и що видѣлъ розумное старостованье нашого дьяка. Но завзятыи вороги новой моды не явились у насъ!

ЕВКА. Которыи же?

НАСТЯ. А мужь сестры Ивана, Прокôпъ, и мужь Матроны, Гриць, ба и нашь другій сосѣдъ Антошко. Благодарю еще Бога, що пустилъ къ намъ Прокôпъ Юстину, а Гриць Матрону, бо иначе рѣшительно за мало гостей было бы у насъ на весѣлю поѣхалъ сосѣдъ Антошко съ женою днесь ранесенько

до мѣста! Но нехай собѣ; мы и нашь сватъ робимъ первый переломъ, т. е. початокъ до новои безсомнѣнно доброй моды, а каждый початокъ трудный. — Теперь подумаймо, мамо, о приготовленію всего що треба до обѣду, коли повернутъ нашіи изъ церкви. Найдальше за двѣ годины будутъ они вже тутъ.

ЕВКА. А що же будетъ по обѣдѣ и якъ закôнчится ваше весѣлье?

НАСТЯ. Совсѣмъ природно, по людски. По обѣдѣ будутъ танцѣ, зо двѣ, зо три годины, а нехай и четыри. Счастье велике, що танцѣ тіи въ день, то не будетъ великого збѣговиска, отъ непрошеныхъ гостей, про которыхъ бывало ни дыхнути, ни пройти не можна въ своей хатѣ Такъ о пятой-шестой годины будутъ почепчины молодой, а послѣ того будемъ выправляти молодыхъ совсѣмъ на властивое ихъ жилище Родина молодого поѣде впередъ, щобы могла молодыхъ, якъ прибудутъ, сердечно привитати и на тôмъ конецъ.

ЕВКА. А що же будетъ съ преданнымъ?

НАСТЯ. Господы! А пощо намъ того? Якъ не треба дѣры въ мостѣ, такъ не треба преданного. Въ недѣлю прійдутъ къ намъ молодыи въ гостину. При гостинѣ будемся пытати ихъ, коли прійдутъ за вѣномъ.

Явленіе шестое.

(*Настя. Евка, входитъ арендарь Берко, Мих. и Ник.*)

БЕРКО. Дай Боже добрый день!

НАСТЯ. Дай Боже! А що вы тутъ робите?

БЕРКО (*оглядаючись на всѣ стороны*) Якъ то, нема ему никого, хиба вы двѣ невѣсти и два музыканты? А где есть Иванъ?

НАСТЯ. Пôйшолъ съ молодыми до церкви.

БЕРКО. Ай вай! Таже ôнъ справляе весѣлье, чого не пильнуе ôнъ хаты? Я маю до него велике интересъ.

НАСТЯ. Забылъ мôй мужь, бачите, радитись васъ, що мае робити, та пôйшолъ до церкви!

БЕРКО. Но, но, не гнѣвайтесь, та най собѣ иде, но менѣ жаль, що я не маю его до велике интересъ.

НАСТЯ. Можете сказати и менѣ, у насъ все одно, чи мужь, чи я, лишь коротко, бо я днесь не до вашихъ справъ.

БЕРКО, Ну нехай буде, я скажу и вамъ, я васъ знаю, вы есте розумна „кобѣта".

НАСТЯ Не лестѣтъ, лишь говорѣтъ просто що потребуете.

БЕРКО. Я бы ся хотѣлъ запытати, на що вы такіи дивнû весѣля справляете, що никто въ селѣ не знае, що въ двохъ хатахъ весѣлье?

НАСТЯ. Если никто въ селѣ не знае, то якимъ же чиномъ знаете вы, що у насъ весѣлье?

БЕРКО. Ну, я! Я що инное, я мушу знати всьо; я знаю, „даймо на то", изъ того, що у васъ весѣлье, що не взяли вы у мене ни одной литры горѣлки.

НАСТЯ. А пощо намъ горѣлки? Мы еи на очи не хочемъ видѣти, тоту смердюху, тоту отрую людей.

БЕРКО. А отъ чого я въ селѣ? Отъ чого я арендарь?

НАСТЯ. А чи мы васъ въ село кликали? Чи аренду мы вамъ ôтдавали? Чи изъ аренды маемъ мы якіи доходы?

БЕРКО. Ни, ни, куда вы заѣхали! Я знаю, вы дуже учона и розумна невѣста, но и я, Берко, старый практикъ, тоже не глупый. Вы того не чуете, що люди о васъ говорятъ, а я чую: они всѣ жалуютъ васъ за такое смѣшное и бѣдное весѣлье.

НАСТЯ Ха, ха, ха! И то мае свѣдчити о тôмъ що вы не глупый? Наше весѣлье бѣдне, однако лишь для васъ, бо вы ничь изъ него не заробите, для насъ оно богате, бо мы стратимо при нимъ стôлько що ничъ. Идѣтъ, идѣтъ собѣ, зъ ôтки прійшлисьте и не забирайте менѣ дорогого времени.

МИХАЙЛО и НИКОЛАЙ *(плещутъ въ руки)* Славно, славно!

НИКОЛАЙ И чи треба вамъ было того, Берку, щобы васъ молода невѣста такъ поганьбила. До недавна были вы въ селѣ найбôльшій мудрецъ, а люди были темныи, бо заливались горѣлкою до безобразія, теперь люди отверезуются и набираютъ здорового розуму. Раджу вамъ забиратись зъ ôтси чѣмъ найскорѣйше.

БЕРКО. *(розтеряный)* Я хочу и самъ уже забиратись, но мушу еще довѣдатись, якъ вы свои гостѣ при весѣлю честуете? Чи вы не даете имъ ничого выпити?

НАСТЯ. О такъ зле не ееть. Вы, Берку, трохи занадто цѣкавй и влѣзливй, я имѣю право на ваше пытанье ничъ не отвѣтити и указати вамъ дверѣ, но не хочу быти такою строгою, и скажу вамъ, що маемъ для нашихъ гостей чай, червене вино и пиво.

БЕРКО. А зъ ôтки есть у васъ пиво? Чому не замовили высобѣ пиво у мене, я былъ бы вамъ пиво спровадилъ, и такъ былъ бы я зналъ, що вы на мою корчму не враждуете.

НАСТЯ. Ей Берку, Берку! Вы все хочете, щобы громадяне были вашими невôльниками. Чи забылисьте, що давно дана намъ свобода? Лишь глупй люди бываютъ чінмись-то невôльниками. А впрочемъ, скôлько разъ говорили вамъ честныи и поступовыи громадяне, щобы держали вы пиво, а вы упорно не хотѣли того сдѣлати, бо хотѣлисьте съ піяками конечно старую

піяцкую моду съ горѣлкою удержати?! Мы знали, що нѣтъ у васъ пива, а кланятись вамъ, щобы вы были ласкавѝ для насъ пиво спровадити, на се не позволяла намъ наша честь. Теперь будьте здоровѝ! Бôльше не говорю съ вами ни одного слова. (*Берко выходитъ*).

ЕВКА. А то далась ему ôтправу! (*Обнимае Настю и цѣлуе ю въ лице*). Я не знала, що ты така смѣла, притомна и оборотна. Кобы были всѣ люди нашѝ такіи, то гетъ счезлѝ бы жиды зъ селъ и зъ краю, а нашѝ люди приходили бы до благобыта и гаразду. (*Влѣтае въ хату Олена съ бутилькою, завитою въ паперъ и съ чимъ то завитымъ въ сервету*).

НАСТЯ. А ты чого такъ скоро изъ церкви?

ОЛЕНА. Радôсть великую приношу вамъ. Мене прислалъ сюда Иванъ сказати вамъ всьо, що сталося и що еще статись мае. А вотъ, коли доѣхали мы до церкви, то привитали насъ тамъ громко многіи члены читальнѣ, держачи высоко синежелтую читальняную фану. Они кричали: „Слава, слава вамъ, преизряднымъ поступовцямъ!“ Звычайно бывало на вѣнчанію въ церкви 6—8 люда, а днесь же при вѣнчанію Стефана и Марыськи, полна церковь людей. А вотъ тутъ бутилька червеного вина ôтъ читальняного выдѣла, а тутъ великая плесканка сыра ôтъ нашой еймосцѣ въ дарунку, бо просто изъ церкви прибудутъ намъ ненадѣянныи гостѣ на хвилю: нашь отецъ духовный, яко предсѣдатель читальни и всѣ другіи члены читальни. Имъ треба приготовити чай съ червенымъ виномъ. За тое время, якъ будетъ выдѣлъ читальни гоститись чаемъ, будетъ играти музыка коломыйки. Послѣ читальняный выдѣлъ заберется, мы же начнемъ подавати нашь головный весѣльный обѣдъ.

НАСТЯ Слава Богу! Видѣлось, що скудно выйдетъ наше весѣлье на новый ладъ устроенное, но Господь не опускае насъ и благословитъ нашое доброе намѣреніе. Не теряймо же время и берѣмся ейчасъ до приготованя всего, що треба.

ОЛЕНА. Чекайте, еще донесу вамъ щось цѣкавого и веселого. Въ церкви видѣла я и Прокопа и Гриця.

ЕВКА и НАСТЯ. Що мовишь?

ОЛЕНА. То що чуете. Говорилъ мнѣ Иванъ, що прійдутъ оба до насъ на весѣлье.

НАСТЯ Слава Богу! Начинае быти наше весѣлье правдивымъ весѣліемъ, бо вражда исчезае. — Насамый передъ наставъ Олено самоваръ, а я приготовлю вино и цукеръ, щобы были пôдъ рукою привитати молодятъ, коли прійдугъ отъ вѣнчанія, щобы жилось имъ весело и солодко и по Божому. Такъ благо менѣ на душѣ, що поневольно хочется менѣ воспѣти. *(Евка, Настя, Олена, Михайло и Николай стаютъ въ рядъ и спѣваютъ въ квартетѣ первыи двѣ строфы Хорала *) изъ „Посланника“ Ч. 1 на 1906 годъ)*

1) Боже на землю русску поглянь
Ласкавымъ окомъ зъ высоты,
Въ часѣ недоли и страдань,
Ктожь намъ поможе, якъ не ты?

2) Не стало нашихъ славныхъ князôвъ,
Що боронили русскій край!
Самй поборемъ ворогôвъ,
Лишь Ты намъ Боже, помагай!

(Завѣса спадае Конецъ).

Ноты до повысшихъ слôвъ поданй въ „Посл“. Ч 1 1906 черезъ о. Нижанковского на 4 голосы.

*] Въ II дѣйствіи долженъ сынъ Ивана и Настя, Владиміръ, появлятись часто на сценѣ, свободно, якъ звычайно дитина въ своей хатѣ, ничого до никого не говорячи въ голосъ.

**] На всякихъ сельскихъ свадьбахъ бывае звычайно лишь 2 музыкантôвъ; если бы однакъ было возможно поставити на сцену 3—4 музыкантôвъ, противъ того не имѣлъ бы авторъ ничь, хотя хотѣлбы не учить людей на излишныи выдатки. Можетъ быть и такъ, чтобы сували 2 музык. смыками по инструментахъ, лишь для ока, передъ сценою же, щобы играла оркестра.

***] Понеже Пазя и Фрузя въ II дѣйствію не приходятъ, можетъ быти одна изъ нихъ въ ролѣ Евки (н. пр. Фрузя), а др. въ ролѣ Матроны (Пазя).

****] Еще лучше заспѣвати вмѣсто хорала нашу новую преславную пѣснь „Пора, пора за Русь святую“.

9

Печатня М. Бѣлоуса въ Коломыѣ.

БИБЛІОТЕКА ТЕАТРАЛЬНА.

1. Мужики аристократы . . 20 кр.
2. „ „ съ ролями 1 зр 20 „
3. Сатана въ бочцѣ . . . 10 „
4. „ „ „ съ ролями . 50 „
5. Капраль Тимко . . . 15 „
6. Знѣмченый Юрко . . . 10 „
7. Ицко сватъ . . . . 5 „
8. Кто винен . . . . 10 „
9. Флейтеръ Войтовичъ . . 5 „
10. Москаль Чарôвникъ . . . 10 „
11. Тарасъ Шевченко . . . 10 „
12. Гей на Ивана, Гей на купала 10 „
13. Село Тындырôвка . . . 15 „
14. Святый Николай на Руси . 10 „
15. Панъ Писаръ, штука въ 3 актахъ 20 „
16. На св. Андрея комедія въ 2 актахъ 20 „
17. Поступовый женихъ народный образецъ съ спѣвами въ 1 актѣ 10 „
18. Два воины . . . . 10 „
19. Кто зъ Богомъ . . . . 10 „
20. Берко, оперетка въ IV дѣйствіяхъ 20 „
21. Іисусъ Христосъ, библѣйнѝ драматичнѝ картины . . . 15 „
22. Охъ! не люби двохъ! . . 20 „
23. Новыи заручины и новая свадьба 10 „

Высылаесь тôлько за попереднымъ надосланіемъ належитости.

Печатня М. Бѣлоуса въ Коломыѣ.